

УДК 94(476)“1812”
DOI 10.26170/vvi20-01-07
Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

А.М. Лукашевич

ОБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ИСТОЧНИКИ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В статье через призму концептуального подхода «идеология – память» рассматривается проблема сохранения в Республике Беларусь исторических объектов, связанных с войной 1812 г. Делается вывод, что многочисленные памятники (фортификационные сооружения, монументы, захоронения) являются маркерами не белорусской национальной, а имперской (русской или французской) памяти. Поэтому в сохранении исторических объектов 1812 г. в Беларуси должны быть заинтересованы те государства, для которых данные «места памяти» важны как источники формирования «позитивного наследия» империи.

Ключевые слова: война 1812 г.; объекты исторического наследия; историческая память; исторические объекты; сохранение исторических памятников.

Сведения об авторе: Лукашевич Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, Белорусский государственный университет; 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4; e-mail: lukashevand@mail.ru.

Andrei M. Lukashevich

OBJECTS OF THE HISTORICAL HERITAGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS AS SOURCES OF MEMORY ABOUT THE WAR OF 1812

The article through the prism of the conceptual approach of “ideology – memory” considers the problem of preserving in the Republic of Belarus historical objects associated with the war of 1812. It is concluded that numerous monuments (fortifications, monuments, burials) are markers not of the Belarusian national, but of imperial (Russian or French) memory. Therefore, those states for which these “places of memory” are important as sources of the formation of a “positive heritage” of the empire should be interested in preserving the historical objects of 1812 in Belarus.

Keywords: the war of 1812; objects of historical heritage; historical memory; historical sites; preservation of historical monuments.

About the author: Andrei M. Lukashevich, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Belarus, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

В постсоветскую эпоху в исторических исследованиях большую популярность получила концепция *lieux de mémoire* («места памяти») французского исследователя Пьера Нора [Нора 1999: 17-50]. Сегодня она активно обсуждается в широких научных кругах, приобретая различные интерпретации. В частности, представляет интерес адаптация концепции «идеология – память» к идеологическим конструктам в современных постимперских государствах. Изучением данного аспекта занимается ряд российских исследователей.

Так, по мнению А. И. Филошкина, В. Н. Барышникова и Б. П. Заостровцева, особое значение «места памяти» приобретают при распаде империй, так как имперская история перерождается в имперскую память [Барышников, Заостровцев, Филошкин 2011: 84-89]. В своих публикациях эти авторы проводят мысль, что данная память имеет два аспекта: позитивным наследием империи выступают освобожденные нации или народы, а негативным – их имперское прошлое. В этой ситуации «места памяти», связанные с определенными событиями имперского периода, становятся своеобразным инструментом, с помощью которого в сознании постимперских государств конструируется позитивное или негативное наследие.

В связи с этим большой интерес представляет анализ вопроса о значении «мест памяти», связанных с событиями войны 1812 г. на территории Беларуси, ранее являвшейся частью Российской империи.

Для более глубокого понимания проблемы необходимо напомнить, что белорусские земли были насильственным путем включены в состав Российской империи в ходе трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) и по итогам войны 1806–1807 гг. между Французской империей и странами 4-й коалиции (Белостокская область).

Поэтому в белорусской историографии события наполеоновских войн рассматриваются как борьба двух империй за реализацию своих геополитических интересов. В частности, в начале XIX в. белорусские земли являлись элементом сложной геополитической конструкции. С одной стороны, они находились под властью Российской империи, но в силу этнических, конфессиональных и социальных отличий региона российское правительство не имело полного политического и духовного контроля над населением края. С другой стороны, с изменением политической конъюнктуры в Европе была поставлена под сомнение правомерность принадлежности белорусских территорий Российской империи. На них претендовали сопредельные государства – Княжество Варшавское и стоявшая за ним Французская империя [Лукашевич 2013: 3].

В этих условиях, когда белорусское национальное самосознание находилось еще на стадии формирования, и оно ощущало сильное влияние польской и русской государственных идей, сформулировать собственные интересы в войне 1812 г. было довольно сложно. Еще сложнее их было реализовать. Не удивительно, что и современная бе-

лорусская историография практически не может разрешить этот вопрос, пытаясь занять позицию одной из протывоборствовавших в 1812 г. сторон [Беларусь и война 1812 года: 3-20].

В связи с этим актуален вопрос о роли источников «мест памяти», связанных с событиями войны 1812 г. Безусловно, к таким источникам можно отнести многочисленные памятники и памятные места той эпохи. Однако здесь же возникает другой вопрос: сохранению чьей именно исторической памяти они служат – национальной белорусской или имперской – российской (французской)?

Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на характеристике исторических объектов, связанных с событиями войны 1812 г. на белорусской земле (имеется в виду этническая территория белорусского народа). Их можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это фортификационные сооружения эпохи 1812 г. Накануне и во время войны 1812 г. на белорусской земле было возведено множество различных фортификационных объектов. Некоторые из них сохранились до наших дней. Наиболее значимыми среди них, в пределах Республики Беларусь, являются Бобруйская крепость и Борисовский тет-де-пон. И хотя они находятся в запущенном состоянии, однако до сих пор не потеряли своего исторического значения и туристической привлекательности [Беларусь и война 1812 года: 32-75].

Вместе с ними в туристических целях можно использовать объекты, расположенные в близлежащих районах соседних государств – Латвии и России (Динабургская крепость, укрепления в Себеже). В перспективе укрепления в Борисове и Бобруйске могли бы стать туристическими объектами специального международного (возможно и водного) маршрута «Фортификационные сооружения 1812 г.». Он может проходить вдоль водного пути (Даугава – Березина – Днепр) по территории трех стран – Латвии (Рига, Даугавпилс), Беларуси (Верхнедвинск, Борисов, Бобруйск) и Украины (Киев) и включать хорошо сохранившие объекты военной архитектуры.

Все иные фортификационные сооружения (тет-де-поны в Орше, Бешенковичах и др.) практически исчезли с лица земли [Лукашевич 2012: 13-48].

Во-вторых, это памятники, сооруженные с целью увековечения событий 1812 г. в Российской империи. В 1830-е гг. возникла идея увековечения военных событий 1812 г., и были избраны места для установки памятников. В рамках общероссийской программы 1835 г. в Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях было запланировано сооружение 8 монументов по проекту А. Адамини. Однако в 1830–1850-е гг. было возведено только два из них – в Клястицах и Полоцке. Открытие остальных памятников – в Витебске, Городечне, Кобрине, Салтановке, Студенке и Чашниках – было отложено на неопределенный срок из-за отсутствия финансовых средств [НИАБ (2):

1-32; НИАБ (6): 2 об., 8-10, 11, 12, 13-14, 15; НИАБ (4); НИАБ (8): 2-3; НИАБ (9): 1-3, 6 об.-8 об.; НИАБ (13): 65-65 об., 73-74 об.].

В 1910-е гг. в связи с приближавшимся 100-летним юбилеем событий 1812 г. на средства российских воинских частей, местных земств и различных обществ было запланировано возведение нескольких памятников. Всего в этот период на белорусской земле было возведено 7 памятников в честь событий 1812 г. (Брилевское поле, Витебск, Ворони, Кобрин, Ляды, Поддубно, Салтановка) и подготовлено 3 нереализованных проекта (Борисов, Брилевское поле, Волковыск). Пять монументов сохранились до наших дней, а еще два – были восстановлены в начале 1990-х гг. [НИАБ (1): 1-61; НИАБ (3): 1-8; НИАБ (7): 1-2, 31-34 об.; НИАБ (11): 1-174; НИАБ (12): 1-436 об.; НИАБ (10): 100-107; НИАБ (13): 7, 65 об., 71 об.-72; Беларусь и война 1812 года: 370-391].

В-третьих, это памятники советской эпохи, возведенные к 150-летию войны 1812 г. В этот период в основном устанавливались памятные знаки в местах второстепенных боев. В советское время отношение к событиям 1812 г. было противоречивым. Это подтверждает мысль современных исследователей, что значение, которое сообщество ассоциирует с определенными «местами памяти», не обязательно остается неизменным в течение истории [Ростовцев, Сосницкий 2014: 106-126]. Поэтому в первые десятилетия советской власти было уничтожено 5 монументальных сооружений, воздвигнутых в честь событий 1812 г. в императорской России (Брили, Клястицы, Новосвержень, Поддубно, Полоцк). И только в 1960-е гг., в связи со 150-летием войны, советские власти решили снова увековечить события 1812 г.

Поэтому в 1962 г. в БССР установили ряд памятных знаков. Большинство из них (6) были выполнены в виде бетонных стел (Друя, Клястицы, Коптевичи, Ленино, Островно, Салтановка, Студенка) или валунов (4 знака, Брест, Молодечно, Плещеницы, Студенка). И лишь в Стригово, Поддубно (обелиски) и на Брилевском поле (чугунный монумент) были возведены более или менее оригинальные памятники. Большинство из бетонных стел, воздвигнутых в 1962 г., пришли в негодность уже через два-три десятилетия и их либо заменили на новые (Салтановка), или просто демонтировали (Клястицы) [Лукашевич 2012: 97-114].

В-четвертых, это места захоронений участников войны 1812 г. На белорусской земле сохранилось 9 надгробных памятников и 5 культовых сооружений на местах захоронения генералов и старших офицеров – участников войны 1812 г. Что же касается погребений воинов Великой армии, то почти все они относятся к ХХI в. и не персонафицированы [НИАБ (13): 17–18 об., 44-46, 62-62 об., 73 об.-74 об.; НИАБ (5): 1-67; НИАБ в г. Гродно: 24-25, 53-53 об., 56; Лукашевич 2012: 127-166].

В-пятых, это императорские памятные места 1812 г. На белорусской земле сохранилось много памятных мест 1812 г., связанных с именами императоров Александра I и Наполеона I – объектов, в кото-

рых останавливались монархи или размещались их главные квартиры. И если в честь российского государя в дореволюционное время было установлено несколько памятников, то в честь императора французов – ни единой мемориальной доски. Несмотря на это в народной памяти сохранились не только здания, но даже деревья, под которыми отдыхали или позировали императоры [Лукашевич 2012: 169-209].

Что касается деятельности белорусских властей, то после провозглашения независимости Республики Беларусь (1991) они уделяли внимание лишь сохранению мемориалов и восстановлению ранее разрушенных монументов. Так, по частной инициативе были восстановлены 4 мемориальных сооружения (обелиск И. К. Демьякова на Брилевском поле, часовня в Поддубно, монумент в Полоцке, памятный знак в Студенке), а также установлено 3 новых памятника («французский» на Брилевском поле и «швейцарский» в Студенке, часовня на Брилевском поле). Помимо этого была проведена реконструкция (замена) памятных знаков в Ленино и Клястицах. В то же время произошло уничтожение некоторых исторических объектов той эпохи (например, спилен «Дуб Наполеона») [Лукашевич 2012: 114-125].

Итак, все перечисленные группы объектов исторического наследия, связанные с событиями войны 1812 г. на белорусской земле, являются маркерами не национальной (белорусской), а имперской памяти. Говоря иначе, эти памятники напоминают белорусам об их угнетенном положении, в котором они пребывали более 120–140 лет, не имея собственной государственности, права учиться на родном языке и изучать собственную историю, без права самостоятельно решать свою судьбу. И в то же время они были вынуждены воевать за геополитические интересы империй-захватчиков [Гісторыя Беларусі: 49-102].

Поэтому не случайно, что на протяжении уже 30 лет белорусские власти не могут «вписать» события 1812 г. в национальные «места памяти». В итоге, война 1812 г. в Республике Беларусь остается «местом памяти», которое не объединяет, а лишь разобщает. Это находит отражение как в историографии, так и в учебной литературе, искусстве и кино.

Именно по этой причине в Республике Беларусь не находят поддержки многочисленные проекты по созданию музейных комплексов или музеев-заповедников в местах, связанных с событиями 1812 г. Поддержка подобных проектов, как и их популяризация через туристические маршруты, может быть привлекательна для республики только с точки зрения монетизации чужих – имперских – «мест памяти».

Все это ведет к тому, что финансирование данных проектов возможно только за счет стран-преемников Российской или Французской империй. Равным образом, основным контингентом потенциальных туристов на объекты 1812 г. в Беларуси также являются граждане этих стран.

Таким образом, в сохранении памятных мест 1812 г. в Республике Беларусь должны быть заинтересованы, прежде всего, те государства, для которых данные «места памяти» важны как объекты, формирующие «позитивное наследие» империи, и которые имеют непреложное значение для их собственной национальной идентичности.

Однако проведенные российскими историками (А. А. Постникова) исследования показали, что для Франции события 1812 г. на белорусской земле не являются «позитивным наследием». Более того, термин «Березина» для французов является своего рода символом национальной трагедии или катастрофы [Постникова 2014: 220-225]. Поэтому единственной страной, реально заинтересованной в сохранении многообразного наследия 1812 г. на территории Беларуси, остается Российская Федерация.

В свою очередь, для Республики Беларусь, подобная заинтересованность может иметь потенциальную угрозу, направленную на разрушение белорусских национальных «мест памяти». В этих условиях задача правительства и общества Республики Беларусь заключается в том, чтобы строго выдерживать нейтральную позицию, не поддаваться соблазну принятия той или иной стороны, той или иной идеологической составляющей имперской памяти.

Список источников и литературы

- Беларусь и война 1812 года** – Беларусь и война 1812 года: Документы / сост. А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич; редкол.: В. И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларусь, 2011. 559 с., [16] с.: ил.
- Гісторыя Беларусі** – Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). М.: Біч [і інш.], 2005. 519 с.
- Лукашевич 2013** – Лукашевич А. М. Белорусские земли в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.): дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Минск, 2013. 340 л.
- Лукашевич 2012** – Лукашевич А. М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. Минск: Харвест, 2012. 288 с., 16 л. вкл.
- НИАБ в г. Гродно** – Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 17. Оп. 1. Д. 521.
- НИАБ (1)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 27. Оп. 2. Д. 2344.
- НИАБ (2)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Д. 549.
- НИАБ (3)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 16594.
- НИАБ (4)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 39490.
- НИАБ (5)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48413.

- НИАБ (6)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48418.
- НИАБ (7)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48430.
- НИАБ (8)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1437. Оп. 1. Д. 1911.
- НИАБ (9)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1437. Оп. 1. Д. 1912.
- НИАБ (10)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2084. Оп. 1. Д. 11.
- НИАБ (11)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1689.
- НИАБ (12)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1690.
- НИАБ (13)** – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 3209. Оп. 1. Д. 1594.
- Нора 1999** – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
- Постникова 2014** – Постникова А. А. Великая армия Наполеона на Березине: событие – память. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2014. 239 с.: ил.
- Ростовцев, Сосницкий 2014** – Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106-126.
- Филюшкин, Барышников, Заостровцев 2011** – Филюшкин А. И., Барышников В. Н., Заостровцев Б. П. Империя, память и места памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 3. С. 84-89.

References

- Belarus' i vojna 1812 goda** – Belarus' i vojna 1812 goda: Dokumenty / sost. A. M. Lukashevich, D. L. Yackevich; redkol.: V. I. Adamushko (gl. red.) [i dr.]. Minsk: Belarus', 2011. 559 s., [16] s.: il.
- Gistoryya Belarusi** – Gistoryya Belarusi: u 6 t. / redkal.: M. Kascyuk (gal. red.) [i insh.]. Minsk : Ekaperspektyva, 2000–2006. T. 4: Belarus' u skladze Rasijskaj imperyi (kanec XVIII – pachatak XX st.) / M.: Bich [i insh.], 2005. 519 s.
- Lukashevich 2013** – Lukashevich A. M. Belorusskie zemli v voenno-strategicheskikh planah Rossijskoj imperii (koniec XVIII v. – 1812 g.): dis. ... d-ra istor. nauk: 07.00.02. Minsk, 2013. 340 l.
- Lukashevich 2012** – Lukashevich A. M. Pamyatniki i pamyatnye mesta 1812 goda v Belarusi. Minsk: Harvest, 2012. 288 s., 16 l. vkl.
- NIAB v g. Grodno** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi v Grodno. F. 17. Op. 1. D. 521.
- NIAB (1)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 27. Op. 2. D. 2344.
- NIAB (2)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 295. Op. 1. D. 549.
- NIAB (3)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1430. Op. 1. D. 16594.
- NIAB (4)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1430. Op. 1. D. 39490.

- NIAB (5)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1430. Op. 1. D. 48413.
- NIAB (6)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1430. Op. 1. D. 48418.
- NIAB (7)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1430. Op. 1. D. 48430.
- NIAB (8)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1437. Op. 1. D. 1911.
- NIAB (9)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 1437. Op. 1. D. 1912.
- NIAB (10)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 2084. Op. 1. D. 11.
- NIAB (11)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 2496. Op. 1. D. 1689.
- NIAB (12)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 2496. Op. 1. D. 1690.
- NIAB (13)** – Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi. F. 3209. Op. 1. D. 1594.
- Nora 1999** – Nora P. Problematika mest pamyati // Franciya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. De Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo S. -Peterb. un-ta, 1999. S. 17-50.
- Postnikova 2014** – Postnikova A. A. Velikaya armiya Napoleona na Berezine: sobytie – pamyat'. SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya», 2014. 239 s.: il.
- Rostovcev, Sosnickij 2014** – Rostovcev E. A., Sosnickij D. A. Napravleniya issledovanij istoricheskoy pamyati v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. 2014. № 2. S. 106-126.
- Filyushkin, Baryshnikov, Zaostrovcev 2011** – Filyushkin A. I., Baryshnikov V. N., Zaostrovcev B. P. Imperiya, pamyat' i mesta pamyati // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. 2011. № 3. S. 84-89.